Путешествие на Корфу

18 сентября – 3 октября, 1999 г.

(вместо фотоальбома)

Наш самолет с замечательным названием «The Flying Dutchman» совершает круг почета над Сан-Франциско и берет курс на восток, смело врезаясь в густой слой белых облаков. Мы с Томасом летим на остров Корфу. Летим не просто так, а по делу; в таможенной анкете, в графе *цель поездки* пишем, лопаясь от гордости, «научная конференция». С собой только самое ценное: паспорт, деньги, и прозрачки для доклада. Остальной багаж – парадные штаны, панамка, плавки и полотенце – едет глубоко в трюме, и надежд на скорую встречу с ним мало. А пока можно изучить путеводитель, чтобы дополнить почерпнутые из Дарелла сведения о флоре и фауне Корфу какой-нибудь более актуальной информацией.

Люди с древности жили на Корфу, когда это еще была часть материка, а в середине каменного века вдруг оказались островитянами, но, видимо, не сильно расстроились. Сохранились остатки оборонительных сооружений времен странствия Одиссея (Итака – маленький, каменистый, ничем не примечательный остров, находится совсем рядом). В эпоху Древней Греции Корфу – сильный город-государство. Потом Римская империя, Византия, христианство приходит на Корфу уже в 37 году нашей эры. Дальше большая удача: вместо турок Корфу завоевывает Венеция. Отсюда любовь к итальянской архитектуре, музыка, живопись. Потом Франция, но не долго, и после поражения Наполеона Корфу отходит во владения Великобритании. У англичан остров перенимает систему правления, законы и крокет. Под самый занавес XIX века королева Виктория неожиданно дарит весь Ионический архипелаг Греции и, после веков славной истории, на Корфу наконец приходит забвение, заслуженный отдых. Теперь это глухая греческая провинция, и только английские туристы по старой памяти едут сюда, стремясь хоть на недельку сменить свой промозглый остров на другой, потеплее.

Пятнадцать часов спустя мы наконец подлетаем к Афинам, хотя такое ощущение, что мы вернулись обратно в Сан-Франциско. Тот же южный город у моря, те же холмы, усеянные низкими квадратными домиками, похожими на куски брынзы в греческом салате.

В маленьком, душном аэровокзале веселый хаос. Два пограничника играют в советских следователей, хорошего и плохого. Один скурпулезно изучает каждый паспорт, лицо владельца, опять паспорт, всех что-то спрашивает, некоторых заворачивает. Другой сидит тут же, в паспорта почти не смотрит, штампов не ставит, а хорошеньким девушкам просто машет рукой, чтоб они проходили так. Что интересно, через некоторое время, когда у плохого вырастает большой хвост, а хорошему нечего делать, они дружно меняются ролями и продолжают в том же духе.

На табло видим, что самолет на Корфу улетает через десять минут, посадка с выхода номер восемь. Бежим туда. Нам говорят, что тут сажают на Санторини. А куда же на Корфу? Говорят, идите к выходу восемь! Наконец все выясняется, мы просто не учли главного греческого правила: ничего никогда не бывает вовремя. У греков это даже возведено в некоторую философию: мол, куда спешить, если так весело светит солнышко и можно спокойно выпить кофе и выкурить трубку. Замечательный народ. Гремучая смесь лени и веселья, невозмутимости и жизнерадостности. Наш самолет подают часа через два, таки к выходу номер восемь.

Волшебный остров

Противно просыпаться от звона будильника. Противно, и даже как-то оскорбительно, когда первое действие, первый инстинкт после мирного сна – низкое, животное желание прибить этого гада на месте, как мерзкую муху. В детстве было неприятно, когда будит радио, особенно гимном Советского Союза, особенно в шесть утра. Или глуховатый школьный физрук, гусиным воплем пионерского горна. Здорово просыпаться от гулкого звона церковных колоколов, или от густого, бархатного боя стенных часов, каждый новый удар мгновенно накидывает целый час потраченной жизни. Замечательно, когда ложкой об миску, и листва на утреннем солнце играет своей тенью над пологом палатки, и к свежему аромату леса и реки примешивается сладкий запах костра и каши с сухофруктами...

В этот раз меня разбудил просто вид из окна. Я проснулся от мягкого предрассветного зарева, которое бесшумно просачивалось в открытое настежь окно. Вчера мы приземлились уже в кромешной тьме, долго носились по пустынным улицам в сумасшедшем такси, и когда наконец добрались до отеля, тут же заснули как сурки. И только сейчас, стоя у окна, я наконец осознаю, в какое потрясающее место нас занесло.

Божественной красоты рассвет. Совершенно спокойное, в дымке, подернутое легкой рябью море начинается тут же, у подоконника, и тянется до самого горизонта, которого нет, и оно продолжается дальше, поднимается вверх, и там неясно переходит в небо, рябь облаков искусно подсвечена сзади солнцем, еще невидимым за краем земли. И прямо по этой туманной дымке, мягко ступая, ползет маленький челн, как ледокол раздвигая носом это ватное покрывало и оставляя за собой конус чистой воды.

И я скорей, пока не взошло солнце и не улетучилась вата, бегу вниз, к морю. Воздух мягкий и вязкий, и вода тоже мягкая и вязкая, и переход из одного состояния в другое почти не заметен. Но я уже вдруг плыву, просто, без усилий, а подо мной плывут маленькие рыбки, их тени легко скользят по каменистому дну. Неподалеку небольшой островок странной формы. По легенде, это финикийский корабль, доставивший Одиссея на Итаку и превращенный за это в камень – беззубая месть Посейдона. Я плыву к этому острову, а мне навстречу из дымки выплывает оранжевый шар солнца, и все вдруг становится так складно и правильно, и кажется, что я всю жизнь вот так спокойно и размеренно плыву к этому острову, а утреннее солнце украдкой мне улыбается... Но кто поверит, что так действительно бывает в жизни, не только в плохих, безнадежно-романтичных фильмах?

Главный (собственно, единственный) город на острове, тоже Корфу, маленький, уютный, по духу очень европейский, эдакий метрополис в миниатюре, как-то сразу соединивший в себе теплую доверчивость провинциала с элегантной столичной заносчивостью. Такое впечатление, что все здесь хорошо знакомо, и в каждом новом ракурсе неожиданно узнаешь давно любимые места. Вид сверху – это Прага, игрушечные остроконечные башенки, малостранские черепичные крыши, лесенкой карабкающиеся вверх по холму, пестрый карнавал гуаши на детском рисунке. Анфас – широкие, парадные улицы старого города, арки, колонны – это, конечно, Италия. Главная улица Листен, задуманная Наполеоном как копия Rue de Rivoli, дышит Парижем, элегантные кафе, элегантные прохожие, даже голуби элегантные. И тут же рядом зеленый Town Common, на котором греки в дурацких английских нарядах по воскресеньям играют в крокет. Узенькие улочки, вымощенные булыжником, остатки крепостной стены, каменная прохлада, запах скромной древности – это Таллинн. А внутри типичные одесские дворики, обшарпанные стены, белье на веревке, радиола, мальчишки. Новый город тоже на что-то безумно похож, видимо, на какой-нибудь уездный городок вроде Витебска. Даже вывески на магазинах кажутся знакомыми. В отличии от восточной Европы, где чужие буквы неожиданно складываются в понятные слова, здесь как раз наоборот, буквы все как родные и хочется тут же все прочитать, но увы – кроме слова «АПТЕКА» между греческим и русским нет ничего общего. И, видимо, с городом то же самое. Все так мило, так знакомо, что не сразу замечаешь главное.

Ведь город – это не просто набор фасадов, перекрестков и проспектов. Важно еще, как он живет, дышит. Убери из Парижа всех парижан, сними цветы с балконов, закрой лавочки и ресторанчики, останови сумашедшее движение – и вдруг окажется, что ничего и не осталось, лишь грязный каркас, обломки истории. Или наоборот, посели жителей Манхэттена в Таллинне, и сразу рухнет средневековая сказка, пропадет очарование.

Душа Корфу – это добрые улыбающиеся лица, большие глаза, с веселым любопытством смотрящие прямо на тебя. Это маленькие магазинчики сувениров, где хозяин тут же при тебе выпилит из куска оливкового дерева симпатичного слоника, черепашку, Пинноккио или Иисуса на кресте. Это женщины, лихо разъезжающие на мотороллерах (если в Париже девица на мотоцикле, в черном шлеме и кожаной куртке, страшно горда этим своим подвигом, то здесь мотороллер просто средство передвижения, как автобус). Тут искренне любят туристов, и поэтому у туристов тоже пропадают комплексы, они расслабляются и совсем перестают быть туристами, сидя с греками в кафе и увлеченно занимаясь самым главным местным делом – обсуждением многочисленных подвигов греческой футбольной команды.

Известно, что время воспринимается человеком нелинейно. В детстве оно движется очень медленно, осторожно, как спальный поезд, плавно отходящий от перрона, как бы руками ощупывая каждую стрелку сложной привокзальной развязки. Но потом, выйдя на главную магистраль, видя перед собой только две параллельные прямые, вопреки Эвклиду встречающиеся у горизонта, поезд быстро набирает ход, ритм колес сливается в одно, и уже даже не прочесть названий пролетающих мимо станций. Но на самом деле время ведь нельзя ощутить, как нельзя увидеть четвертое измерение. Время определяется только нашей памятью. В детстве, когда все ново, сложно, непонятно, наш мозг работает как моторчик, думает, регистрирует, каждый день записывает в память массу новой информации, и поэтому кажется, что день этот тянется необычайно долго. Но с возрастом нового становится меньше, жизнь входит в обыденную колею, уже не надо так думать, запоминать, и уже за месяц у нас скапливается мыслей меньше, чем когда-то за день. Вот и бегут месяц за месяцем, год за годом, потому что раз нет мыслей, раз нечего вспомнить, то значит, ничего и не было.

Но с этим можно и нужно бороться, и у греков есть замечательный способ. Сиеста – это традиционный послеобеденный отдых, когда на несколько часов вся жизнь замирает, греки лежат, каждый под тенью своего оливкового дерева, и размышляют, мечтают, или просто спят. Как раз в это время мы и попали в город, уже совершенно пустой. Жара в ударе: солнце источает струи зноя, неподвижный воздух тяжел и липок, над готовым закипеть островом медленно поднимается пар. Мы сидим в уличном кафе под зонтиком и чувствуем приятную банную вялость, поток мыслей замедляется, стрелка городских часов вздрагивает, подолгу замирая на каждой секунде, и для нас тоже наступает сиеста...

Я никогда не думал, что можно вот так часами сидеть в кафе, лениво потягивая лимонад со льдом, и просто наблюдать, как вокруг грузно и неторопливо поворачивается мир. Добродушный рыжий пес переходит дорогу. На газоне в беспорядке раскиданы дремлющие голуби. Группка туристов тлеет на скамейке. В доме напротив у открытого окна старый усатый грек попыхивает трубкой, лукаво поглядывая вниз на нас. Вот они, пропущенные детали, кусочки чужой, ненужной мне жизни, которых так недоставало.

Наша конференция очень роскошная, нам даже полагается банкет, причем в самой Старой крепости, куда обычно не пускают. Крепость, возвышающаяся над городом как небольшой вулканчик, в основном древняя, но тщательно отреставрированная. Поэтому ощущение древности несколько притуплено, как будто все это, каменные стены с бойницами, крепостной ров, узкие лестницы с туннелями и подземельем – лишь современная копия, детский городок в стиле неоклассицизма. Но сумерки такие нежные, огромная луна светит так ярко, что нельзя не проникнуться атмосферой волшебства, таинственности и праздника.

Сам банкет довольно скучный, как и все мероприятия такого рода. Джанбо, долго подозрительно косившийся на гигантский диск луны, вдруг хлопает себя по башке и бежит искать телефон звонить родителям. Оказывается, именно сегодня, 25 сентября, китайский Лунный фестиваль – праздник самой большой луны года. А мы с Юрой и Олей, единственными соотечественниками в моей науке, отправляемся в путешествие на самую верхушку крепости, к маяку. Уже стемнело, и сверху открывается замечательная картина. С одной стороны огни вечернего города, маленькие домики ловко и крепко держатся за склоны холмов. С другой море, томное и ленивое. Желтый мазок луны выполнен небрежно, ненатурально, с шершавым сгустком запекшейся краски, как часто делают импрессионисты, чтобы оттенки казались ярче, впечатление сильнее. А на воде вместо лунной дорожки разлилась целая лунная поляна, как будто здесь потерпел крушение танкер с молоком.

Вон недалеко, через пролив, другой маяк перемигивается с нашим. Там уже Албания. Там голод, разруха, беженцы. А здесь, здесь праздник, веселье, луна, и разлитое по воде молоко. Как описываемое будущее у Стругацких, тут хорошее, а там за стеной плохое. И два маяка по разные стороны переговариваются: «Ну как там у вас?», «Да ничего, живем потихоньку».

Еще была собственно сама конференция и множество разных приключений. Была экспедиция на другой конец острова смотреть закат (с нашей стороны показывают только рассвет). Мы довольно большой компанией решили прогулять послеобеденную сессию, и на кавалькаде разноцветных такси помчались по узкой горной дороге на запад, всю дорогу болтая про науку. Не очень романтично, но зато весело. В другой раз, опять прогуливая конференцию, мы взяли в аренду микроавтобус и покатили на какой-то якобы замечательный пляж с красивым названием Палиокастрица. Мы исколесили почти весь остров, заветного пляжа так и не нашли, но зато видели греческие хутора, оливковые рощи, познакомились с веселой старушкой-молочницей, и даже подверглись нападению стада овец. Еще был мой доклад, который неожиданно понравился, и даже корифеи вдруг стали со мной здороваться. Это дело мы с Томасом роскошно отпраздновали в симпатичной таверне на самом берегу моря. Мы ели шашлык и рыбу-меч, и было страшно вкусно, а мимо нас проплывали большие белые пароходы.

Вообще было очень интересно наконец познакомиться с людьми, чьи имена так хорошо знаешь по статьям. Мне было любопытно узнать, можно ли угадать натуру человека по его работам? Есть ли связь? Видимо, нет. Человек, статьи которого мне всегда очень нравились своей фантазией, самобытностью, выдумкой, оказался молчаливым, приземистым дядькой, скучным и несимпатичным. Зато другой корифей, уже двадцать лет долбящий одну и ту же довольно занудную геометрическую задачу, обернулся симпатичнейшим англичанином, весельчаком и эрудитом.

Однажды за ужином в каком-то придорожном ресторанчике, затянувшимся, благодаря дешевому греческому вину, далеко за полночь, мы заговорили о том, почему нам всем здесь так страшно нравится. Выяснилось, что манит не новизна, не экзотика, а совсем другое. В нашей большой, очень интернациональной компании (в которой оказались представлены все континенты, кроме Антарктиды), каждый нашел на Корфу что-то родное, забытое, какую-то частичку своего дома. Кажется, так в литературе часто описывается рай: знакомые места, знакомые предметы, все так, как было раньше, но не совсем. Нет той живой привязанности, все уже случилось, произошло, а ты просто смотришь кино и видишь только доброе и хорошее. Как нежное воспоминание, как ноктюрн Шопена.

Но конференция подходит к концу. Знакомых встречается все меньше, уже не слышно жарких научных споров на пляже, отель начинает наполняться нормальными туристами: пожилыми английскими парами, в гавайках и со множеством чемоданов (в которых, по-видимому, тоже гавайки, на смену). И значит, пора уезжать.

Первым снимается с места неугомонный Джанбо. Его паром в Италию отходит в два часа ночи. Я еду проводить его в порт. Порт – это маленький деревянный домик в три окна, расположенный на городской набережной. В первом окошке паспортный контроль, во втором таможня, в третьем Duty-Free Shop. Все три, конечно, заперты. Наконец вылезает сторож и знаками показывает нам, чтоб мы успокоились, не суетились, что когда придет паром, никто не знает, но когда-нибудь точно придет, и что он очень большой и мы его непременно заметим, и что пока нам лучше всего здесь не отсвечивать, а погулять часок-другой по городу, тем более, что такая замечательная лунная ночь.

Немножко обалдев от такой виртуозной пантомимы (хотя теперь я понимаю, что старик, конечно, знал английский, и что этот свой монолог он, наверное, смакуя исполняет уже много лет подряд) мы идем в уютное ночное кафе, садимся снаружи, наслаждаясь мягким бархатом южной ночи. Двое парней без интереса играют в нарды. В маленьком телевизоре футбол без звука. Красивая девушка с античным профилем приносит нам мороженое и греческий кофе (то же, что кофе по-турецки, но не дай бог сказать об этом греку!). Мы долго сидим, болтаем о всякой чепухе, о том, как замечательно на этом спокойном, гостеприимном острове, за неделю успевшим стать таким близким и домашним, и как не хочется уезжать, возвращаться в реальный мир, так быстро нами забытый.

Властный гудок выводит нас из оцепенения, мы встаем и расплачиваемся, причем Джанбо, конечно, оставляет красавице-гречанке на чай все свои оставшиеся драхмы, долларов эдак двадцать. У причала уже стоит уродливая квадратная махина с распоротым брюхом, из которого одна за другой выезжают машины. И становится немного жутковато, когда маленькая фигурка Джанбо, как в фильме Формана, пропадает в черной пасти трюма. Этот горе-профессор, конечно, забыл заказать себе каюту; ничего, в такую теплую волшебную ночь не грех поспать и на палубе, глядя на звезды.

Потом я еще долго брожу по пустому ночному городу. Когда нет людей, не видно вывесок, витрин магазинов и других «примет времени», то пропадает всякая связь с эпохой. Лунный свет мягко ложится на венецианские фасады широких, даже ночью нарядных улиц. А в узеньких улочках, куда луна едва проникает, так тесно, что даже нет места для меня и моей тени, и ей приходится карабкаться вверх по стенам. Мои шаги мерно выбивают ритм по каменной кладке мостовой. Все это было раньше, и будет потом, и получается, что единственный признак времени – это я сам... Вот в такую же ночь в сорок третьем, когда итальянские оккупационные войска сменились немецкими, весь еврейский квартал вывели сюда на улицу Листен, посадили на паром и увезли навсегда. Теперь на Корфу евреев почти нет. На этой неделе как раз был Йом-Кипур, и израильтянин Яир, отыскавший на острове синагогу, рассказывал, что на праздничной службе на сорок евреев с конференции пришлось лишь двенадцать местных.

На остановке такси водитель мирно спит, уткнувшись лицом в руль, и я отправляюсь в отель пешком. Дорога долго идет вдоль набережной, веселая вереница огней отделяет холодный сумрак спящего острова от теплой бездны моря. Ночь, огни, и дорога, что еще человеку нужно?

Когда я подхожу к отелю, уже начинает светать. У дверей своего номера встречаю Джона. Он в полосатых трусах, веселый и выспавшийся, пришел меня будить, как мы и договаривались, в семь утра, чтобы идти купаться. И я бегу, вслед за ним по крутому склону вниз к воде, и с размаха плюхаюсь в море, из которого уже начинает подниматься заспанное солнце. Потому что никак нельзя пропускать такое замечательное утреннее купание, потому что отоспаться можно будет потом на материке, потому что когда еще мне будет так хорошо просто быть.

Последний вечер я решил провести в городе. Сегодня воскресение, и всюду полно народу. Везде веселье, смех и праздник, и даже свечки на столиках уличных кафе лукаво подмигивают в вечерних сумерках. В городском парке народное гуляние. Парочки ходят под ручку, дети снуют на велосипедах, в беседке духовой оркестр играет марш. На Корфу очень любят музыку (восемьдесят процентов населения играет на духовых инструментах, сообщил мне знакомый таксист). Оркестр действительно очень хороший. Энергичный дирижер воодушевленно рубит воздух своей палочкой, упитанные трубачи усердно раздувают щеки, бравурный марш летит по острову, как праздничный салют. И, как это часто бывает в маршах, сквозь эту бравурность нет-нет да и проглянет грустинка, да так, что мурашки бегут по спине. Но трубачи ничего не замечают, дирижер поддает жару, и прощальный марш летит дальше, смешиваясь с вокзальной суетой, с дальней дорогой.

Вечер в Амстердаме

Реальный мир врезается в меня внезапно, прямо при выходе из вокзала, оглушая скрежетом трамваев, едким запахом поп-корна и Макдоналдса, развязной американской речью. Везде стада туристов, наглые нищие, накурившиеся до омерзения подростки. Центр Амстердама всецело и с радостью отдается западной (и в первую очередь американской) поп-культуре. Главная улица Дам[1], парад американского шир-потреба (Pizza-Hut, Hard-Rock Cafe, American Express), бесконечные Currency Exchange, и множество абсолютно идентичных сувенирных лавочек, с похабными открытками и дурацкими деревянными башмаками. В одном из уличных ресторанов официантка бегает в купальнике; вещь совершенно естественная на Корфу, здесь, где дождь и +9°C, выглядит гадко и пошло. На этом фоне сам квартал красных фонарей ничем не поражает, просто большой магазин. Полуголые женщины, стоящие в окнах и подсвеченные снизу красными лампочками, как елочные игрушки в витрине магазина «Продукты» под новый год, ни на что такое не претендуют. Тут все предельно просто: what you see is what you get.

Но в Амстердаме тоже есть душа, и я нашел ее в тихом районе Жордаан, напомнившим мне родную питерскую Коломну. Здесь нет туристов и машин. Здесь ивы склоняются над сонными каналами, иногда переплетаясь над водой и образуя зеленые арки. Здесь в книжных магазинах пахнет пылью и книгами, в уютных кафе – горячим шоколадом, а в маленьких сырных лавочках – гудой и эдамом. Здесь за каждым поворотом, за каждым изгибом канала можно наткнуться на что-то необычное. То лукавый крошка-мостик сладко потягивается, выгибая упругую спинку. То величественный костел вырастает из глубины сада. То забытый баркас покачивается на волнах. А то и просто маленький заводик задумчиво дымит своими трубами. Здесь до сих пор стоит дом Анны Франк, и до сих пор каждый день в семь часов вечера колокола соборного карильена[2] рассыпаются вдоль каналов мелодичной фразкой Баха.

Прощание с детством

И вот я наконец на своей промозглой, неприветливой, родной Итаке. Выйдя из Пулково, жадно вдыхаю влажный осенний воздух с привкусом тумана, и вдруг становится легко и свободно: без вещей, без друзей, без какой-либо цели, никем не замеченный, я наедине с этой осенью, как будто она существует только для меня одного. Еще один вдох. Пахнет детством и школой, долгими осенними вечерами и скорой зимой. Пахнет грустью и разлукой, мелким дождем и тихим листопадом. Это все мои запахи, это я их носил в памяти все эти десять лет. Я впрыгиваю в маршрутку и через четверть часа меня уже поглощает метро. Теперь я часть толпы и никому невдомек, что я чужой, лишний, непрошенный гость, смевший покуситься на их осень.

Вот берег залива, в бесконечных осенних сумерках – небо еще не потемнело, но фонари уже давно горят. Поразительная тишина, вокруг ни души и даже волны набегают бесшумно, гладят прибрежные камни и тут же отступают. Тут нет ни грозного тихоокеанского прибоя с яростным напором и клочьями пены, ни

[1] Дам – как и в английском, плотина. Амстер – грязная речка, не шире Мойки. Вот как все просто.

[2] Карильен – дальний родственник органа, но вместо труб колокола. Идея играть серьезную музыку на колоколах родилась в Бельгии и Голландии еще в XVI веке. А теперь свой карильен есть чуть ли не в каждом американском университете (у Беркли один из лучших – 61 колокол). Был карильен и в Петербурге, в Петропавловском соборе. Кажется, его собираются восстанавливать.

нежной парной белизны Ионического моря, доброго и манящего. У этого моря вообще нет никаких эмоций, лишь гордое, размеренное безразличие метронома.

Вот Юсуповский садик, осенью вдруг ставший таким, как прежде. Те же старушки, дочери моих старушек, лениво судачат на скамейках. Те же мальчишки, но уже сыновья моих мальчишек, с криками гоняют все тех же вездесущих голубей. Опять ощущение невидимки: все эти места меня помнят, знают, а люди нет, для людей я не существую, я вне времени. Вон вдалеке женщина выгуливает ребенка, и я с одинаковой легкостью готов в ней узнать и маму с Данькой, и лизину подругу Любу с Колей... Дальше Мойка, Новая Голландия, ее холодная неприступность немножко не сочетается с пестрой кутерьмой окутавших ее осенних деревьев. Почтамтский мостик весело пружинит под ногами. А с бульвара к Исаакию в детстве, переваливаясь и грохоча, поворачивал трамвай. Почему я до сих пор не замечал, что его уже давным-давно нет?

Дождь в Летнем саду. Внутри ни души, и за четыре рубля весь сад и весь дождь в полном моем распоряжении. Два нахохлившихся лебедя мокнут у кромки пруда. Мокнут скамейки, мокнут статуи, одетые явно не по погоде. Мокнут желтые листья и, намокнув вдоволь, падают лениво и бесшумно, как снег, устилая мне путь мягким цветным ковром. Мокну и я, и мне нравится, как я медленно пропитываюсь влагой, капли бегут по щекам, они залепляют мне очки и получается калейдоскоп – листья танцуют, отражаясь и переливаясь.

Яблоки моего детства, вон они висят в саду на даче. Уже не такие большие как прежде, и висят совсем не так высоко – можно запросто достать, протянув руку. Но все же еще висят, не падают! И все так же замечательно, напилив дров и вскопав грядку, войти в сумерках в уютный, натопленный дом, где бабушки рядком сидят за столом, и хвосты пасьянса, освещенные мягким светом лампы, разбегаются по столу, как тропинки по парку. Но вот уже на столе чай и куча разного варенья, и высокая горка горячих блинов, и все это так вкусно есть здесь внутри, когда за окошком дождь и темно, и бегущие по стене отблески окон проходящей электрички все так же напоминают о путешествиях, о дальних странах.

Я с бабушками в Ораниенбауме. Как по заказу выглянуло солнышко, и запущенный, всеми забытый парк обрадовался, воспрянул, засверкал золотом своих кленов. Полное безветрие, непонятно, где кончается листва и начинается ее отражение в старом пруду. Как всегда, когда лучше всего, я без фотоаппарата (а может, поэтому так и хорошо, что знаешь, фотография не испортит воспоминания). Мы идем неспеша, часто отдыхаем, собираем осенний букет из кленовых листьев. Говорить не хочется, хочется смотреть и слушать. Мы идем держась за руки, две маленькие бабушки и я, нам хорошо и совсем не грустно. Вот оно, счастье, а я его в суете чуть не пропустил.

Но пора возвращаться. Скрип покосившейся калитки. Одинокий лист прилип к мокрой платформе. Электричка до Ленинского, автобус, еще один, и я в самолете (даже удивительно, с каким безразличием и «невыносимой легкостью» у меня получается то, что раньше казалось грандиозным мероприятием). Самолет отрывается от земли легко, без усилий, и вот уже Ульянка и Петергоф видны далеко внизу, и я вдруг отчетливо понимаю, что это я улетаю из детства, улетаю навсегда, увозя с собой только желудь в кармане и осень в душе.

Вперед

Мое путешествие подходит к концу. «Летучий Голландец» мягко скользит по пушистому морю белых облаков. Внизу Гренландия, впереди долгая трудная зима. И я с тоской ощущаю, что память о сказочном зеленом острове постепенно стирается, заслоняется другими мыслями и впечатлениями. И тогда я вспоминаю духовой оркестр в городском парке в тот последний вечер на Корфу, и все сразу становится просто и ясно. Ведь нет смысла обижаться на дирижера, на композитора, на партию, которая тебе досталась. А нужно упрямо дуть в свою трубу, раздувать что есть силы щеки, и не подавать виду, что марш становится все грустнее, мотив все пронзительнее, а в Летнем саду дождь. Дуй себе, пока есть еще ноты, а все остальное как-нибудь устроится!